

ЯЗЫК. ПОЗНАНИЕ. КУЛЬТУРА

И.Е. Андронов

ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ГРЕЧЕСКОЙ И ЛАТИНСКОЙ БИБЛЕЙСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В “МАГДЕБУРГСКИХ ЦЕНТУРИЯХ”

В статье анализируется метод работы авторов “Магдебургских центурий” с библейскими источниками. Выявлены особенности организации работы авторского коллектива, отмечен избирательный подход к источнику при полном соблюдении принципов локального метода. Освещен подход авторов к проблемам переводимости библейского текста, идентичности греческого и латинского текстов Нового Завета.

Ключевые слова: “Магдебургские центурии”, локальный метод, лютеранство, Библия как исторический источник.

The current article proposes an analysis of the methodology used for work with the Bible as a historical source by the authors of the “Centuries of Magdeburg”. Key findings: specifics of authors organization, selective approach to the source along with full compliance to the local method, authors approach towards translation of the Bible text and towards identity of Greek and Latin versions of the New Testament.

Key words: “Centuries of Magdeburg”, local method, Lutheranism, Bible as a historical source.

“Магдебургские центурии”¹ (1559—1574) — крупнейший памятник протестантской исторической мысли XVI в., написанный для того, чтобы подвести исторический фундамент под критику католической церкви. Книга была подготовлена коллективом авторов-лютеран во главе с крупным богословом Матиасом Флацием Иллириком². Ученик Меланхтона, Флаций был известен как

Андронов Илья Евгеньевич — канд. ист. наук, доц. кафедры итальянского языка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; тел.: 8-495-739-02-44, e-mail: orgizomenos@gmail.com

¹ Полное название книги — *Ecclesiastica historia, integram ecclesiae Christi ideam, quantum ad locum, Propagationem, Persecutionem, Tranquillitatem, Doctrinam, Haereses, Ceremonias, Gubernationem, Schismata, Synodos, Personas, Miracula, Martyria, Religiones extra Ecclesiam, et statum Imperij politicum attinet, secundum singulas Centurias, perspicuo ordine complectens: singulari diligentia et fide ex uetustissimis et optimis historicis, patribus, et aliis scriptoribus congesta. Per aliquot studiosos et pios uiros in urbe Magdeburgica* (далее — ЕН). XIII Vv. Basileae, apud Io. Oporinum, 1559—1574. В научном обиходе эти тома, посвященные каждый отдельному веку, принято называть «центуриями».

² См. о нем: *Ritter J.B. Matthiae Flacii Illyrici, Ehemals berühmten und gelehrten Theologi in Theutschland Leben und Tod.* 2. Aufl. Franckfurt; Leipzig, 1725; *Preger W.*

эрудит и специалист в древнегреческом языке, логике Аристотеля, а также библейской филологии. План работы над всеобъемлющим сочинением по церковной истории, сформировавшийся в ходе дискуссии ведущих лютеранских ученых, подразумевал создание авторского коллектива с четко разграниченными обязанностями и сферами ответственности отдельных его членов³. В работе планировалось как можно более полно использовать все сильные стороны различных авторов, их эрудицию в различных гуманитарных материях. Многие члены коллектива, и в первую очередь Флаций Илирик, были благодаря полученному образованию причастны к гуманистической культуре, владели самым передовым на тот момент научным инструментарием.

Применение приемов классической филологии для текстуального анализа Библии можно проиллюстрировать на отрывках из четвертой главы второй части первой центурии, посвященных проблемам Божественного предопределения и оправдания человека. Эти проблемы носят сугубо теологический характер и лишь косвенно проявляются в дальнейших межконфессиональных спорах. Главная причина их появления в “Магдебургских центуриях” (далее — “Центурии”) — необходимость подробно обосновать важнейшие доктринальные расхождения, “сплавив” их в единое целое с христианской историей. Поскольку “история догмы” призвана играть важнейшую роль среди других церковно-исторических факторов, анализ Священного Писания должен стать отправной точкой. Прежде всего необходимо было доказать, что понятие предопределения входит в число основных христианских учений, а такое утверждение могло опираться только на библейские цитаты. Очевидно, этого понятия не было и не могло быть в евангельских рассказах о жизни и страданиях Христа; по этой причине глубокий анализ (по богословским причинам возможный только на основании Деяний св. апостолов и других текстов Нового

Mattias Flacius Illyricus und seine Zeit. 2 Bd. Erlangen, 1859, 1861; *Massner J.* Kirchliche Überlieferung und Autorität im Flaciuskreis. Studien zu den Magdeburger Zenturien. Berlin, 1964; *Verheus S.L.* Zeugnis und Gericht. Kirchengeschichtliche Betrachtungen bei Sebastian Franck und Matthias Flacius. Nieuwkoop, 1971; *Hartmann M.* Humanismus und Kirchenkritik: Matthias Flacius Illyricus als Erforscher des Mittelalters. Stuttgart, 2001.

³ Об организации работы см.: *De ecclesiastica historia: quae Magdeburgi contextitur, narratio, contra Menium et Scholasticorum Wittebergensium epistolas a gubernatoribus et operariis ejus historiae edita Magdeburgi. Cum responsione Scholasticorum Wittebergensium ad eandem. Wittebergae, 1558; Schulte J.W.* Beiträge zur Entstehungsgeschichte der Magdeburger Centurien. Neisse, 1877; *Scheible H.* Die Entstehung der Magdeburger Zenturien. Ein Beitrag zur Geschichte der Historiographischen Methode. Gütersloh, 1966; *Backus I.* Historical Method and Confessional Identity in the Era of the Reformation (1378—1615). Leiden; Boston, 2003; см. также: *Лебедев А.П.* Церковная историография в главных ее представителях с IV по XX в. 3-е изд. СПб., 2001.

Завета) был помещен во вторую книгу первого тома. В текстах Нового Завета были обнаружены греческие слова, которые можно интерпретировать как понятие предопределения. Ближе всего к этому понятию находилось слово προορίζω (как его определяют сами центуриаторы, *desegnere et praefinire* — букв. “решить и предписать”), встречающееся в некоторых местах Писания (Деян. 5, Рим. 8). В 1 Кор. 2 это слово было использовано в форме προώρισε (аорист 3-е л. ед. ч.) и означало, по мнению центуриаторов, некое “знание, сокрытое в тайне”, которое Господь и “постановил открыть”⁴. Центуриаторы интерпретируют как близкие по значению слова ὀρίζειν (Деян. 2 и 17), ἐκλέγεσθαι (медиальный залог от ἐκλέγω, равный ему в данном случае во всех значениях, в Еф. 1), а также προῦνῶναι (1 Пет. 1; этот аорист от προῦνῶσκω переводился на латинский как *praeeordinare*). Синонимичными объявлены лексические единицы προῦνῶσις (1 Пет. 1, Деян. 2), а также более отдаленные в семантическом смысле словосочетания со словом βουλή, εὐδοκία и др. Например, ὀρίσμενη βουλή (Деян. 2), χεῖρ καὶ βουλή τοῦ θεοῦ (указана сноска на Деян. 5), εὐδοκία τοῦ θεοῦ θελήματος (Еф. 1), πρόθεσις (Еф. 1), βουλή τοῦ θελήματος θεοῦ (Еф. 1).

Отметим, что непосредственно с греческим текстом Нового Завета авторы Центурий не работали. Во-первых, это представляло дополнительную трудность даже для лучших специалистов в области греческой филологии (Флаций Иллирик, которому эта работа могла бы быть по силам, от черновой работы отстранился изначально). Во-вторых, работа непосредственно с греческим текстом оказалась бы малопонятна читательской массе “Центурий”. Вообще в XVI в. еще не существовало такого научного критерия, как обязательная ориентация на работу с источником на оригинальном языке (хотя необходимо сделать оговорку, что древнееврейские штудии в европейских университетах расцвели именно в XVI в. и именно из-за того, что у богословов возникла необходимость в максимально четкой интерпретации библейских текстов). То, что делают центуриаторы, уже является важнейшим шагом вперед: привлечение филологического материала позволило внести определенную ясность в понятийный аппарат теологии в целом. Тем не менее в их планы совершенно не входило сделать книгу еще более фундированной, заплатив за это утратой диалога с массовым читателем. В то же время латинским языком владели все читатели “Центурий”, и восприятие ими понятийного аппарата Библии ничем существенным от чтения собственно “Центурий” с их исторической концепцией не отличалось.

Греческие слова, которые могли иметь значение, близкое к “предначертать”, были подобраны несистематично. Бросается в глаза,

⁴ Decrevit revelare. EH I II 214 51–60.

что примеры выбраны из Деяний св. апостолов (без них никак нельзя: эта книга является основным источником для тома, значительно превосходящим остальные по информативности), а также из первой главы Послания к ефесянам. Авторы решили, что этих примеров достаточно для того, чтобы продемонстрировать массовое появление этого понятия на страницах Писания и базовый характер рассматриваемого явления для христианского мировоззрения. Конечно, никто не ставил перед авторами “Центурий” задачу компактно привести на страницах книги все случаи упоминания о предопределении, однако и об отсутствии такой задачи тоже нигде не говорится. Дальнейшие страницы текста, следующие за филологическим анализом греческой терминологии, довольно свободно трактуют это понятие — под него подводятся многие случаи упоминания в Новом Завете воли Божией и ее реализации. Очевидно, между волей и предопределением в теологии “Центурий” поставлен знак равенства.

Слово προορίζω в других греческих текстах, помимо новозаветных, встречается нечасто. Оно образовано от глагола ορίζω, означающего “определять” (более конкретно “давать оценку”, “давать определение”, “устанавливать параметры”); однокоренными являются слова с простым значением “граница”, “межевание” и т.п. Слово προορίζω образовано с помощью приставки, причем его значение (“определять заранее”) понятно из его морфологии: именно эта форма может никогда и не встретиться, а ее значение легко устанавливается с помощью обычных для древнегреческого языка механизмов. Таким же образом можно повести себя и в латинской морфологии: если “определять” будет *definire* (а “граница” — *finis*), то *praefinire* — идеальный перевод, демонстрирующий совпадение значения и этимологии. Сопоставляя греческое и латинское слова, можно было бы заподозрить морфологическое калькирование. Строго говоря, если калькирование и возможно, то только в обратном направлении: слово *praefinire*, в отличие от своего греческого аналога, нередко встречается у дохристианских авторов, хотя, конечно, его особенно любят ранние церковные писатели.

Мы долго искали пример употребления слова προορίζω в пятой главе Деяний св. апостолов, но нас ждало разочарование: этого слова там нет. Очевидно, в текст “Центурий” вкралась неточность (о прямом подлоге, конечно, речи быть не может): это слово в довольно значимом контексте встречается в четвертой главе. Встречается оно в составе той самой фразы, другой фрагмент которой приведен центуриаторами в соседней цитате. Обратимся к Св. Писанию. Греческий фрагмент (Деян. 4:28) гласит: ποιῆσαι ὅσα ἡ χεὶρ σου καὶ ἡ βουλή σου προῶρισεν γενέσθαι, что в Вульгате передано как *facere quae manus tua et consilium decreverunt fieri* (в новом латин-

ском переводе *facere, quaecumque manus tua et consilium praedestinavit fieri* — “чтобы сделать то, чему быть предопределила рука Твоя и совет Твой”). Дело не только в том, что в “Центуриях” цитата подверглась изменениям; выражение про “руку и решение” процитировано в “Центуриях”, притом что слово *πρόβρισην* (производное от *προορίζω*) употреблено тут же. Очевидно, приведение “руки и решения” со строго филологической точки зрения некорректно: перед нами пример употребления основной греческой вокабулы, интерпретируемой центуриаторами как *praefinire* в ключе их теории о предопределении. Как следует нам воспринимать этот эпизод: как тенденциозное расширение списка синонимов, призванное способствовать наукообразности или убедительности с теологической точки зрения, или как простой недосмотр? На наш взгляд, в данном конкретном случае возможны обе интерпретации, но некоторую небрежность в “бумажной” работе с греческими текстами имеет смысл отметить. Центуриаторы не делают ошибок, когда речь идет о толковании собственно слова или смысле нейтрального текста, и их знания в области греческой словесности не вызывают ни малейшего подозрения. Не так обстоит дело с элементарным “узнаванием” слов или словосочетаний среди им подобных. Работа с греческими терминами была поручена квалифицированным специалистам, а толкование их в богословском плане и написание связного текста “Центурий” были вообще сферой ответственности руководителей проекта (“кормчих”, или *gubernatores*). В то же время “шерстить” Библию на предмет определений или других деталей могли и люди, умеющие лишь читать по-гречески. Данная ошибка могла быть сделана потому, что историк (по терминологии центуриаторов, “рабочий” — *operarius*) отталкивался от текста Вульгаты, в котором нет слова *praedestino* (оно появилось только в “Новой вульгате” Павла VI в 1979 г.), но есть несколько менее выраженное *deserno*. “Рабочий” не обратил внимания на это слово и не заподозрил, что оно переводит греческое *πρόβρισην*, на которое как раз и идет охота. Подтверждением такого нашего представления о методе работы с греческими текстами может служить и уже цитировавшийся выше фрагмент Деян. 2:23. Там встречается не только единственный в этой книге дериват от *ορίζω*, но и — в той же фразе — слово *πρόβρυσις*, которое упоминается центуриаторами особо⁵.

⁵ Деян. 2: 23: τοῦτον τῇ ὀρισμένῃ βουλῇ καὶ προγνώσει τοῦ θεοῦ ἑκδοτὸν διὰ χειρὸς ἀνθρώπων προσηξάντες ἀνελάτε. Латинский вариант: *hunc definito consilio et praescientia Dei traditum per manum iniquorum affigentes interemistis*. Русский вариант: «Сего, по определенному совету и предведению Божию преданного, вы взяли и, пригвоздив руками беззаконных, убили». Выделенные нами места — выбранные центуриаторами библейские определения и их переводы на латинский (от которого отталкивались авторы «Центурий») и русский языки.

Вообще же слово προορίζω встречается в различных местах Писания, не только в тех, что приводят авторы “Центурий”. Упомянутый же ими фрагмент из 1 Кор. 2:7 переводится на латинский именно как loquimur Dei sapientiam in mysterio quae abscondita est quam praedestinavit Deus ante saecula in gloriam nostram (а на русский — “проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей”). Русский текст обходится без понятия “предопределения”, но это не должно вводить нас в искушение увидеть семантическое несоответствие. Напротив, в данном фрагменте соответствие между тремя версиями отличается особенной полнотой.

Теперь о приведенных центуриаторами отсылках к тексту Послания к ефесянам. Все они относятся к первой главе Послания, что указывает на крайнюю фрагментарность обработки источника. Очевидно, прорабатывался не весь текст Посланий апостольских, а только тот, который казался наиболее многообещающим в плане раскрытия учения о предопределении. Как только у авторов сложилось впечатление, что примеров достаточно, поиск в источнике был прекращен. Центуриаторы не отмечали в Еф. 1:5 встречающееся там слово προορίζω. Ссылка на него была уже не нужна: его очевидное соответствие хорошо известному всем читателям латинскому praedestino было ими уже достаточно проиллюстрировано. В Еф. 1:11 дериват от этого слова также присутствует, причем в соседстве с другим приведенным центуриаторами выражением (подобную картину мы наблюдали выше). Текст послания гласит: “в Нем мы и сделали наследниками, бывши предназначены к тому по определению Совершающего все по изволению воли Своей” (ἐν ᾧ καὶ ἐκληρώθημεν προορισθέντες κατὰ πρόθεσιν τοῦ τὰ πάντα ἐνεργοῦντος κατὰ τὴν βουλήν τοῦ θελήματος αὐτοῦ). Именно последнее выражение “изволение воли” (парафразированное центуриаторами как βουλή τοῦ θελήματος θεοῦ) дублирует в списке центуриаторов, дублируя προορισθέντες (дериват от προορίζω, переведенный на русский язык как “предназначенные”). Слово ἐκλέγεσθαι (“выбирать”, лат. eligo), употребленное в Послании (Еф. 1:4) в форме ἐξελέξατο (аорист 3-е л. ед. ч.), тоже мало соответствует семантике, выражаемой глаголом προορίζω. Это видно даже по русскому тексту Еф. 1:4 “Он избрал нас в Нем прежде создания мира, чтобы мы были святы и непорочны пред Ним в любви”; отметим, что следующий стих Послания начинается прямо со слова προορίσας — деривата от προορίζω. Заканчивается он в свою очередь другим выражением из списка центуриаторов — εὐδοκία τοῦ θελήματος αὐτοῦ (“благоволение воли Своей”).

Филологический подход к анализу Писания проявляется прежде всего в особом внимании авторов к толкованиям слов, морфологии отдельных греческих терминов Писания, взаимосвязи между собой, проблеме переводимости (в частности кластерной переводимости) на латинский язык. Прекрасное владение фактическим материалом, научная “ловкость” позволяют центуриаторам доказать исконность лютеранских тезисов, отводя, таким образом, обвинение в “новаторстве”, выдвинутое католической стороной еще самому Лютеру. Делается это стандартным способом. Встречающиеся в Библии слова переводятся на латынь, причем предложенный св. Иеронимом вариант используется в большинстве случаев, но не всегда. При консервативности латинской лексики и в общем небольшом объеме новозаветной оказывается, что лютеранское богословие XVI в. пользуется теми же словами, которые фигурируют в оригинальном (греческом) тексте Писания. Это служит доказательством “исконности” богословской системы Лютера, ее укорененности в самом раннем христианстве, возникшем непосредственно в результате деятельности Христа и апостолов. Конечно, с позиций современной науки такой подход кажется совершенно ненаучным, но для центуриаторов это более чем простительно. Во-первых, даже если отбросить возможные потери при переводе с одного языка на другой, лексические ограничения и просто несоответствие лексических резервов тезаурусов двух языков, проблема терминов необязательно соответствует проблеме их толкований (даже с формально-логической точки зрения). Во-вторых, никто не принимал в расчет противоречие между наличием уже сложившегося корпуса библейских текстов и живой традицией их толкования, которая, наоборот, обогащалась (неравномерно во времени и в богословском “пространстве”) целыми волнами новых терминов и толкований. В-третьих, современное центуриаторам понимание многих реалий уже очень далеко отошло от того, что наблюдалось во времена написания библейских текстов, а также в эпохи подготовки их переводов на латынь. Слова, особенно абстрактного значения, живут сложной жизнью, и их смысловое наполнение меняется с течением времени. Нельзя обвинять центуриаторов в незнании того, что станет одним из величайших открытий гуманитарной науки в первой половине XIX в.; мы констатируем этот комплекс проблем только для того, чтобы обосновать различие в научном аппарате между нами и авторами “Центурий”, чтобы продемонстрировать, с одной стороны, ограниченность их научно-гуманитарного аппарата, а с другой — ловкость и целеустремленность при необходимости с его помощью решать сложнейшие богословские, исторические, идеологические задачи.

Список литературы

Библия. Новый Завет.

Лебедев А.П. Церковная историография в главных ее представителях с IV по XX в. 3-е изд. СПб., 2001.

Backus I. Historical Method and Confessional Identity in the Era of the Reformation (1378—1615). Leiden; Boston, 2003.

De ecclesiastica historia: quae Magdeburgi contextitur, narratio, contra Menium et Scholasticorum Wittebergensium epistolas a gubernatoribus et operariis ejus historiae edita Magdeburgi. Cum responsione Scholasticorum Witebergensium ad eandem. Witebergae, 1558.

Ecclesiastica historia, integram ecclesiae Christi ideam, quantum ad locum, Propagationem, Persecutionem, Tranquillitatem, Doctrinam, Haereses, Ceremonias, Gubernationem, Schismata, Synodos, Personas, Miracula, Martyria, Religiones extra Ecclesiam, et statum Imperij politicum attinet, secundum singulas Centurias, perspicuo ordine complectens: singulari diligentia et fide ex uetustissimis et optimis historicis, patribus, et aliis scriptoribus congesta. Per aliquot studiosos et pios uiros in urbe Magdeburgica. XIII Vv. Basileae, 1559—1574.

Hartmann M. Humanismus und Kirchenkritik: Matthias Flacius Illyricus als Erforscher des Mittelalters. Stuttgart, 2001.

Massner J. Kirchliche Überlieferung und Autorität im Flaciuskreis. Studien zu den Magdeburger Zenturien. Berlin, 1964.

Preger W. Mattias Flacuis Illyricus und seine Zeit. 2 Bd. Erlangen, 1859, 1861.

Ritter J.B. Matthiae Flacii Illyrici, Ehemals berühmten und gelehrten Theologi in Theutschland Leben und Tod. Franckfurt; Leipzig, 1725.

Scheible H. Die Entstehung der Magdeburger Zenturien. Ein Beitrag zur Geschichte der Historiographischen Methode. Gütersloh, 1966.

Schulte J.W. Beiträge zur Entstehungsgeschichte der Magdeburger Centurien. Neisse, 1877.

Verheus S.L. Zeugnis und Gericht. Kirchengeschichtliche Betrachtungen bei Sebastian Franck und Matthias Flacius. Nieuwkoop, 1971.